

ПЕПЕЛ И ЗВЕЗДЫ

18+

Алекс Родионов

ПЕПЕЛ И ЗВЕЗДЫ

«Автор»

2026

Родионов А. А.

ПЕПЕЛ И ЗВЕЗДЫ / А. А. Родионов — «Автор», 2026

В Империи Семи Звёзд драконы умерли тысячу лет назад. Их пепел стал валютой, их кости — дворцами, их память — пылью, которую развеивает ветер. Эйрис, девятнадцатилетняя дочь Пепельщика, собирает останки великих существ в развалинах Звёздного Храма и слышит их тишину. До того дня, когда в груди обожжённого мрамора она находит не пепел, а живого юношу с выжженной ладонью и глазами цвета тления, в которых горит что-то, чего она не может назвать. Каэль не помнит, кто он. Он знает только, что прикосновение Эйрис обжигает его холоднее льда, а её голос разбивает внутри него стены, за которыми скрывается чудовище. Чудовище, которое должно было умереть.

© Родионов А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Алекс Родионов

ПЕПЕЛ И ЗВЕЗДЫ

Глава 1

Оглавление

Часть I. ПЕПЕЛ

1. Дочь мёртвых богов
2. Юноша из золы
3. Рука, которая помнит огонь
4. Пепел говорит шёпотом
5. Первая искра

Часть II. КРЫЛЬЯ

6. Кровь звёздного цвета
7. Уроки полёта для тех, кто боится высоты
8. Охотники, что пьют тишину
9. Половина песни
10. Когда пепел стал плотью

Часть III. ЗВЁЗДЫ

11. Дворец из чужих костей
12. Закон, которому нет имени
13. Последняя ночь перед концом света
14. Песнь, после которой тишина
15. Дракон на рассвете

Эпilog. Имя в пепле

Глава 1

Дочь мёртвых богов

Пепел пахнет потерянным временем.

Это первое, чему учит отец. Второе — не дышать, когда ветер поднимает серебристые вихри. Третье — никогда, ни при каких обстоятельствах не прикасаться к пеплу голыми руками.

Но отец умер три года назад, оставив мне лопату с обгоревшим древком, мешок из чешуи дракона и право собирать останки там, где другим вход воспрещён под страхом смерти. Так что третье правило я нарушаю каждый день. Нарушаю так же неизбежно, как дышу, потому что пепел — единственное, что у меня есть.

Я сижу на краю разрушенного купола Звёздного Храма, ноги свисают в пропасть из обломков и молчания. Подо мной — Империя. Не та, что рисуют на картах в Доме Ветров, а настоящая: крошечная, жалкая, дымящаяся. Как пепел, который я собираю каждое утро, она серебристо-серая, усыпанная остатками величия. Крыши из драконьих рёбер, дороги, вымощенные чешуёй, фонари, где вместо огня пылают кристаллизованные слёзы. Люди ходят по трупам богов и называют это цивилизацией.

А я сижу здесь, потому что здесь тихо.

И потому что здесь, среди обломков, пепел поёт.

— Эйрис.

Я не оборачиваюсь. Голос принадлежит Томасу, старому хранителю нижних ворот, и он звучит так же, как всегда — устало, слегка раздражённо, с привкусом похмелья.

— Ты опять наверху. Запрещено. Падёшь — я отвечать не буду.

— Я не упаду, — говорю я, не отрывая взгляда от горизонта. — Я лечу.

Старик фыркает. Он не понимает шуток. Он не понимает и меня, но терпит, потому что отец был лучшим Пепельщиком за сто лет, а я — единственная, кто согласен лезть туда, куда боятся ступать даже стервятники.

— Внизу ждут мешки. Три пуда. До заката.

— До заката, — киваю я.

Он уходит, шаркая подметёнными сапогами по камню. Я остаюсь одна.

Ветер здесь другой. Не тот, что в городе — тёплый, вонючий, набитый запахами кухонь и кожаных мастерских. Здесь ветер пахнет озоном и древностью. Здесь он несёт голоса.

Я закрываю глаза и опускаю ладони на камень под бёдрами. Камень тёплый. Всегда тёплый, хотя солнце не греет эти руины уже тысячу лет. Тепло идёт изнутри — из пепла, усыпавшего глубины Храма. Из того, что осталось от Семи.

Я называю их так. Не по именам, которые высечены на обелисках в Нижнем городе. Их настоящие имена — в пепле, и я слышу их, когда касаюсь его. Не вслух. Не словами. Но я слышу.

Седьмая шепчет что-то особенное. Она — младшая, последняя, упавшая не на севере, где остальные, а здесь, в самом сердце Империи. Её пепел лёг под фундамент Храма, и люди построили святилище на её костях, не зная, что бог всё ещё дышит под их ногами. Или не дышит. Я не знаю. Но её шёпот — самый громкий. Самый грустный. Самый... одинокий.

Я открываю глаза и спускаюсь вниз, по трещинам, где когда-то были лестницы.

Мой путь — лабиринт. Обвалившиеся арки, залы, где своды держатся только на честном слове, коридоры, заваленные обломками. Я знаю каждый камень. Знаю, где можно наступить, где — нет. Знаю, где пепел глубокий, как снег, а где — спрессованный в серебристые плиты, по которым можно бить искры.

Мешки ждут у входа в Глубинный зал. Я беру первый, вешаю на плечо, иду вперёд.

Пепел собирают по-разному. Горожане — лопатами, жадно, грубо, как картофель. Отец учил меня другому. «Пепел — это не ресурс, — говорил он, кладя мне в ладонь горсть серебристой пыли. — Это исповедь. Слушай, прежде чем забирать».

Я слушаю.

Сегодня пепел шепчет о небе. О синеве, которую я никогда не видела — не той бледной, что над Империей, а настоящей, бездонной, вышитой облаками. Он шепчет о ветре под крыльями, о солнце, что плавит чешую, о свободе, которую невозможно описать словами, потому что для неё нет слов в человеческом языке.

Я плачу. Не вслух. Слёзы просто текут, пока я собираю пепел в мешок, и я не вытираю их. Отец говорил: слёзы — это дань. Если пепел заставляет тебя плакать, значит, он доверяет тебе свою боль.

Я собираю три горсти, четыре, пять. Пепел здесь особенный — не серый, а с лёгким голубоватым оттенком, как небо перед грозой. Седьмая. Всегда Седьмая.

И тогда я чувствую это.

Тепло.

Не то тепло, что исходит от камней. Не то, что исходит от пепла. Живое тепло. Дыхание.

Я замеряю, прижав ладонь к каменному полу. Сердце бьётся в горле. Здесь, в Глубинном зале, никого не должно быть. Никого живого. Томас не ходит так далеко. Стервятники боятся. Даже я — и я здесь каждый день — чувствую, как что-то сжимает грудь, когда переступаешь невидимую границу между «здесь» и «там».

Но дыхание — реальное. Медленное. Тяжёлое.

Я оставляю мешок и иду на цыпочках, обходя завал. Зал расширяется, и я вижу источник.

В углу, там, где свод упал, образовав естественную пещеру из мрамора и пепла, лежит человек.

Нет.

Лежит тело.

Но тело дышит.

Я подхожу ближе, сердце колотится так, что, кажется, слышно в всей тишине Храма. Юноша. Или мужчина — молодой, может, немного старше меня. Его одежда — обгоревшие лохмотья, не узнать, что это было. Волосы чёрные, спутанные, усыпанные пеплом. Лицо...

Я замираю.

Лицо цвета тления. Не бледное, не мёртвое — а как будто кто-то взял угли, дождался, пока они станут пеплом, и попытался вылепить из них человеческие черты. Высокие скулы, тёмные брови, губы, слегка приоткрытые. И шрам. Длинный, выжженный, проходящий через всю ладонь правой руки, лежащей на груди.

Шрам светится.

Не метафорически. Не в моём воображении. Тонкая линия на его ладони — от основания запястья до кончиков среднего и указательного пальцев — пульсирует тусклым красным светом, как уголь, который не хочет умирать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.